

«БЕЖЕНЦЫ»

СИНОПСИС

Эта пьеса, дорогой читатель, еще пишется. И у вас есть возможность что-то посоветовать автору, если вы знаете тему. Полемику вести не буду, но, попадание в нерв создаваемого текста не пройдет незамеченным, обязательно учту настроение и конкретику ваших замечаний.

В пьесе «БЕЖЕНЦЫ» автор постарается передать, как людям, попавшим в непреодолимый, стремительный поток перемен на родине, уехавшим, бежавшим (здесь - буквально в последний час) из родных мест, не просто живется где бы то ни было. В данном случае в России, в Москве. Герои, не только главные - ЗУРАБ и его жена КЭТИ, - но и все остальные, люди простые в обычной жизни, оказываются как бы без одежды, без защитной «пленки», которой были укрыты дома. В эмиграции она, «пленка», задралась, и видны нервы, характеры, которые становятся иногда тяжелой помехой в их нынешней жизни. И наоборот – как ни парадоксально, помогают выжить в неродной, подчас агрессивной, среде.

Доминировать будет «грузинская тема», главные герои грузины. Нация, которую посторонним понять бывает трудно. Важнее почувствовать их, их национальный характер. А в нашем контексте – еще и проникнуться их болью.

Они, если разобраться, отличаются от русских. И в то же время – похожи в принципе. Христианская православная вера сделала свое. Прекрасное противоречие, исследование которого может привести к выводам на фундаментальной библейской основе.

Отдельно стоит судьба дяди ЗУРАБА – КОНСТАНТИНА. Он уже не шибко молод, остался в Москве после службы в армии, прошел здесь «Крым и Рим», стал, по сути, русским человеком. И это его преимущество перед остальными героями пьесы – он отлично знает, и понимает, и тех, и этих. Поэтому только КОНСТАНТИН вполне адекватно ведет себя в предлагаемых времени и пространстве.

Естественно, это художественное исследование. И править бал будет метафора.

Основные события происходят в алюминиевом модуле на Беговой улице. В нем – магазин, принадлежащий Константину.

Дядя, как уже сказано, отнюдь не беженец, обосновался в столице много лет назад. Он создал свой бизнес, это несколько магазинов, в том числе этот модуль. Недавно Константин стал заместителем в одном из управлений мэрии. Бизнесом теперь занимается его жена НИНА. Они и приютили появившихся в Москве в результате грузино-абхазского военного конфликта Зураба и Кэти с сыном. Зураб в магазине выполняет все функции – от грузчика до управляющего, а семья, жена и сын, живут в единственной жилой комнате этого алюминиевого монстра. (В Абхазии их семьи имели особняки. Так что, контраст оглушительный).

Человек, воспитанный отцом жестко и честно, Зураб добился уважения всех на Беговой, совсем не простом районе Москвы. Ему доверяют менты, воры, мелкие мошенники, просто нормальные ребята, которые обитают в этом столичном ареале. В магазине торгуют продуктами, подавляющее большинство продавцов – беженцы из разных бывших республик: Узбекистана, Таджикистана, Киргизии. Это такой Нью-Йорк в миниатюре, плавильный котел, в котором плавятся страсти, драмы, комедии.

Нередко Зураб становится вершителем судеб проходящих через горловину магазина девушек-беженцев, да и парней, тоже.

И, пожалуй, самое главное. За всеми событиями этого произведения стоит война, искорежившая судьбы главных героев «Беженцев».

Х Х Х

ЗУРИК

Зураб, главный герой, был золотой молодежью в Сухуми У отца, грузина, свой коньячный завод, он был «главный в этой теме» в республике. Но это совсем не та золотая молодежь, какой мы себе ее представляем в Москве. Это грузины. Ни о каком сибаритстве и речи нет. Отец начинает вводить Зурика в семейный бизнес рано и жестко.

И сегодня, здесь, в Москве, по сути, на чужбине, одно из самых трудных испытаний для него – это почти безделье, нынешняя нагрузка и непохожа на ту, прежнюю, и мала, в общем, все это не то, для почувствовавшего вкус, ответственность, хозяина – настоящую, мужскую, нагрузку. Да, дома, в Абхазии, было не так, как в России.

Х Х Х

КОНСТАНТИН

Он родился в Грузии, закончил там школу, и сразу ушел в армию. Служил в России, после армии закончил Плехановский институт в Москве, стал столичным предпринимателем крупного разряда. Дело разрослось быстро, его пригласили в Департамент торговли Москвы, где он и работает, оставив бизнес на жену. «Держит на плаву» Зурика, племянника, сына своего родного брата Георгия, убитого во время абхазских событий. Константин остро переживает трагедию сухумской резни, и старается во всем помогать не только Зурику, спасшемуся чудом, но и всем беженцам. Константин, по сути уже русский, тем не менее лучше своих новых соплеменников понимает, что же на самом деле произошло в Абхазии. И это разрывает его душу.

Х Х Х

КЭТИ

Кэти, жена Зураба, не менее колоритный персонаж «Беженцев». Ее отцом был вор в законе, «смотрящий» в Сухуми. Пожалуй, в определенные моменты, она еще круче, чем неистовые в своем гневe ее грузинские мужчины. Такое поведение объясняется отчасти тем, что в Грузии женщина может многое себе позволить, зная, что это сойдет с рук. Такие традиции. Но это дома, в прошлой жизни. Здесь, в Москве, в эмиграции, и нравы другие, и, как ни крути, все же ежеминутно присутствует некий незримый форс – мажор. Нервы не выдерживают – Кэти застрелила Барнука, абхаза, боевика в войне 92-93 года, непосредственного убийцу их с Зурабом отцов. То, что пути Барнука и Кэти пересеклись в Москве – чистая случайность. Но случайность фатальная, что-то такое должно было случиться в ее с Зуриком жизни (условно говоря, Кэти – это, по-чеховски, ружье в первом акте пьесы, которое обязательно выстрелит в третьем). Сидеть Кэти будет на поселении, адвокаты доказали лишь превышение самообороны. И вся грузинская община возьмет шефство над этой девушкой.

Х Х Х

ПАШКА

Три небольших комнаты в модуле арендует Пашка, русский парень лет 27, хозяин сапожной мастерской. Пашка иногда подменяет кого-то то из своих сапожников,

мастерством он владеет. Он учится на философском факультете МГУ, его любимый учитель-мыслитель Эвальд Ильенков («Космология духа»), Пашка все время пытается перейти на вечернее или заочное отделение, чтобы полностью контролировать бизнес, расширять его. Против – его жена Лена, девушка закончила только школу, она из неблагополучной семьи, отец и мать пьют безбожно. И Ленка ненавидит водку, рождает Пашке детей, командует и работает в мастерской швеей, одновременно, в целях экономии, и, примерно так же, как Кэти, руководит процессом жизни – только на свой, русский, манер. У них четверо мальчиков, дом в деревне, в которую они выезжают каждый уикенд на «рафике», и твердое решение Лены родить, наконец, девочку. Потому Пашка вертится в этой жизни, как юла, и только иногда, с дружбаном Зуриком, они позволяют себе выехать на пару дней в деревню. Там к ним пристают местные алкаши по поводу «посидеть и выпить», Пашка гоняет их по деревне с макетом ПМ. Зурик благодушно сидит, и ни во что не вмешивается. Пашка не против. Однажды он отбирал из его рук одного такого надоедливого посетителя игровых автоматов в модуле, натянувшего Зурику козырек бейсболки на лоб. Дело чуть было не кончилось сломанной рукой шутника-панибрата. Так что, пусть сидит – так спокойней.

Х

Х

Х

«БЕЖЕНЦЫ»

ПЬЕСА В...ДЕЙСТВИЯХ

Алюминиевый модуль, каких в Москве разбросано тьма-тьмушая, стоял в середине Беговой, минут десять пешком от метро. Жилая комната, войти в нее можно и через магазин, который был основой модуля, и сзади, обойдя его, комната без окон, одна – единственная в нем, обставлена небогато : старый диван, алюминиевый стол, пластмассовые стулья, экран «домашнего кинотеатра», холодильник, обрыдшая всем лампа дневного света. На диване два милиционера в штатском, два упитанных сержанта из местного райотдела, со стертymi, плоскими, лицами. Не отличишь друг от друга. Разговаривают они тихо, за метр не разберешь их бормотания.

- Димон, а как это так получилось? Я че-то до сих пор не догоняю : наш, милицейский, общак, хранит грузинский беженец Зурик! Че, среди своих, русских, не нашлось...

- Петь, давай без этих вопросов. Просто ты еще мало в отделе пасешься, ни знаешь, по сути, ничего толком. Так, слышишь звон...

- Так я и пытаюсь выяснить.

- А я тебе пытаюсь втолковать – много будешь знать, не успеешь состариться. Зурик, это...Да я не знаю, как объяснить. Поживешь, поработаешь, поймешь. Короче, не торопись. Не беги впереди паровоза – вдруг догонит!

- Шутник, однако. – Ворчит Дима.

- Че то ты разговаривался.

- Я? Да не, Петь, это так, любопытно. Ты забудь, если че.

- Следи за языком. Первое дело в нашей истории. Если че. – Петр встает, потягивается.

Слышится шум в прихожей, в комнату заходит Кэти, грузинка лет 30. Молодая женщина, Кэти тонкая, лицо у нее по восточному отточено, нос, губы, подбородок, уши – все, как будто отдельно каким-то мастером сотворено. Ювелирная работа. Она даже не то, чтобы красива – необычна. Кэти встает посреди комнаты. Русская бы женщина подбоченилась. Кэти стоит напряженно, как натянутая тетива. От нее и правда веет какой-то опасностью. Она говорит.

- Че надо? Менты позорные.
- Кэти, фильтруй базар...
- Че ты сказал! Че ты сказал! – Истошно кричит Кэти. Кричит как-то по пацански, что-то такое в модуляции ее голоса, не передаваемое.

Она рванулась к дивану, парни подскочили, увертываясь, выбежали из комнаты. Кэти села на их место. Потом вскочила и крикнула : «Всегда ментов душила!»

Опять села. Она сидит, отрешенно глядя в одну точку. От экспрессии не осталось и следа. Так и хочется сказать, что в глазах Кэти стоят слезы.

Но слез нет и никогда не было.

X X X

Кэти вспоминает.

В Сухуми жара. Лето, в городе неисчислимо количество отдыхающих, и сами сухумцы стараются держаться немного обособленно. Их сразу узнаешь в толпе. Кэти идет по набережной. Она совсем молоденькая, лет 17. Никакого пляжного расслабона, походка пружинистая, спортивная. За ней, поодаль, шаркает подошвами сандалий Зурик. Он еле-еле успевает за девушкой. Зурик небольшого роста, сухой, и тоже, тонкий. Но очень жилистый, будто весь из мускулов. Он догоняет Кэти, трогает за плечо. Кэти, которая давно уже заметила Зурика, нервно дергает плечиком. Зурик ласково говорит.

- Эй, девушка. Тебя Кэти зовут. А меня Зураб. Будем знакомы. – Зураб отважился, наконец-то.

- Мог бы все это мне еще в воскресенье сообщить. Ровно неделю назад.

- Нет. Нельзя. Надо же за тобой походить было...

- Походил?!

- Да, походил. Кофе пить будем?! Вон, кофейня, Вахо уже два двойных на песке держит, нас ждет.

- Ну, если двойных. Тогда идем. – Кэти, конечно, валяет дурака, держит марку. Она давно ждала этого разговора. Видно невооруженным глазом, что Зурик ей жутко интересен.

X X X

И уже, как-то сразу, неожиданно, переключился поток сознания - Кэти и Зураб разбирают чемоданы в номере гостиницы «Жемчужная» в Сочи.

А, впрочем, так и было.

Кэти, разглядывая купальник, говорит.

- Не ожидала. Как-то у тебя все это ловко получилось. Наваждение...

- Сказки-то не рассказывай. Если бы сама не захотела, был бы мне Сочи! - Довольно смеется Зурик.

- Ну, может. Теперь, главное, чтобы папка не узнал, что я на недельку позагорать не одна уехала.

- Кэти! Не дай Бог! Уроют же! – Между прочим, Зурик напуган. Что для него совсем не характерно.

- Уроют. Так что, пока никто еще ничего не разнюхал, давай-ка возвращаться, и в церковь. Но, сначала, пусть родители поговорят.

- Да. Они у нас с тобой ребята серьезные. Один самый богатый винодел, второй смотрящий в Абхазии. Доны Корлеоне, черт возьми. Собирайся, Кэти. Поехали обратно.

- Поехали! Куда поехали!? Ты предложение сделал? Или мне самой его произнести?!

За столиком в кофейне (тогда кофейни были гордостью этого города), сидят отец Кэти – Спиридон, грузный мужчина, лысоватый, но очень представительный. Это порода, сразу видно, потому даже «стремная» профессия Спиридона никак не отразилась на его внешности – он, скорее, похож на преуспевающего адвоката, чем на криминал. И отец Зурика – Георгий, также, как и Зурик, небольшой, уже изрядно подсохший человек, с медальным, золотым от загара, грузинским лицом. Пьют они кофе, запивая его коньяком из маленьких серебряных, черненных, с алмазной гранью, рюмок. Рюмки эти из старинного сервиза, очень дорогого, фамильного сервиза Георгия. Стол уставлен овощами. Это обед кавказских «джентльменов». Мясо они в такую жару не едят, хотя любят его больше огурцов и помидоров.

- Что будем делать, Спиридон? Уходить? Завтра они придут в Сухуми.

- Ни в коем случае. Ты что, хочешь все отдать им? Все, на что свою жизнь положил? «Коньячный завод Гургулия»... Нет, нельзя уходить. Да и не тронут они нас. У меня друзей среди абхазов столько же, сколько среди русских. Договоримся.

- Да я тоже так думаю. Если уйдем, потеряем все, потом уже не вернешь. Да и не только в этом дело. Когда грузины бегали от пастухов? Они же «Калашников» лишь вчера увидели... А так, кремневыми ружьями пользовались. – Смеется Георгий. Но смех какой-то не веселый. Напряженный смех.

- Ну ты, Георгий, скажешь, - теперь уже смеется Спиридон. Потом лицо его стынет. - Нет, там есть войны. А вообще, не их бояться надо. Там, говорят, штурмовая рота чечен, как таран, идет...

- Не знаю. Чечены... Тоже люди. Договоримся. Деньги есть, договоримся.

- Хорошо. Но детей надо отправлять. В Тифлис. А ты чего так уверен, что мы с ними сможем по доброму разойтись?

- Я с Гурамом говорил. Ну, извини, какой-никакой, а он, все же, член нашего правительства, член штаба ЧП. Говорит, бояться абхазов, нечего. Они дикие, но управляемые. Ничего, говорит, страшного. А уедете – в ваши дома тут же люди поселятся. Желающих очереди...

- Это да. Очереди. Да, наверное, надо остаться. Но Зураба с Кэти и с внуком завтра отправим. Договорились?

- Ага. Э, слушай, такой повод грустный. Заберу рюмки, давай из фужеров. Мой коньяк, из подвалов. Чувствуешь?

- Чувствую. Давай... за мир. В общем, чтоб без поножовщины...

Кэти, которая не очень-то любит эти воспоминания, считая их слабостью, недовольная собой, успокаивается своим обычным способом : идет на улицу, и начинает методично обходить модуль. Позади магазина, так же, как Спиридон с Георгием когда-то, сидят за столиком Зурик со своим московским приятелем Кириллом. Кэти проходит мимо них, не обращая никакого внимания, сосредоточенная и молчаливая. Зурик так же не реагирует на жену. Сейчас это чревато. Да и разговор у него с Кириллом не из приятных. Оба угрюмо уставились в разные стороны, cedят слова, то и дело возникают какие-то неловкие паузы.

- Кирилл, у меня лично к тебе ничего... Но чтобы брата твоего в магазине больше не было! Понял?

- Че, че... Не, не понял. Зурик, обоснуй предъяву...

Зурик смотрит на него. Кирилл на редкость обаятельный парень – высокий, красивое лицо, модно одет, итальянский блестящий костюм только-только из магазина. Несмотря на какую-то неистребимую провинциальность, сквозит, сквозит от него чем-то притягательным. Впрочем, скажи об этом Зурику, не только не поймет – вернее, сделает

вид сначала, что не понимает – а еще и скандал в ответ получишь. Как это – притягательным к мужику!

- Че тут обосновывать? Украл вчера с прилавка маленький телевизор. Доз на пять ему хватит. Потом опять припрется. Мне это надо?!

- Валерка?! – Видно, что Кирилл верит Зурику. Но гнет свое, от безысходности ситуации, что ли. – Да ты что! Не мог Валерка. Скажи, ты сам видел?..

- Если бы я увидел, он бы на время забыл о наркоте. Просто, никого не было в тот момент рядом.

- Вот видишь!

- Кирилл! Он на камеру попал. Но мы же не в ментовской. Скажи, ты понял?

- Да понял, понял. Ну, гаденыш...

- Э, - машет руками Зурик, - сами разбирайтесь.

- Ну да, - смеется Кирилл, - у тебя, слышал, тоже паленая история на хвосте...

- На хвосте. – Мрачно говорит Зурик. – Да нет, не на хвосте. В печенках она у меня, эта история. Достали уже, весь район ходит, хохочет...

- Нормально, да. Менту ступни переехал. Конечно, людям смешно.

- Да я же нечаянно...

Они замолкают – мимо них опять проходит Кэти.

- Чего это она бродит?

- А, - говорит Зурик, - думает. Она так думает.

Х

Х

Х

Барнук, абхазский снайпер, рыжеватый, только-только начинающий лысеть, парень средних лет, поправляет ветки в лежке, укладывается, ворча про себя : « Где они еще такого Барнука найдут? Ишь – «чтобы никогда девятки не было»! А то, что Барнук целый взвод оккупантов перестрелял, так это ничего, да! Выдумывает ротный, лишь бы придраться. Да и девятка – то случайная. Про Асиду подумал, вот дыхание и сбилось...»

Лежка у него на горе, с позиции хорошо просматривается участок дороги, по которому сухумцы в панике устремились в порт. До нее, дороги, пара километров. Это злит Барнука. СВД, его винтовка, все же годится на более коротком расстоянии. Для снайпера. Так – то стреляй – не хочу. А здесь другая работа.

- Ничего, - продолжает Барнук, - счас пощелкаем городских.

Он смотрит в окуляр. В нем появляется Кэти. Впереди нее торопливо идет Зураб с сыном на руках. Барнук ведет крестик прицела за спиной Кэти, готовится к выстрелу : для плавного спуска нужно ровное дыхание. Барнук уже поймал его, палец начинает плавный нажим на курок, но тут он слышит непонятный шорох. Барнук кладет винтовку, и лежит, совсем замерев, как зверь, который, скрываясь от хищника, сливается с местом нахождения. К нему подползает сменщик Абга.

- Покурим? – Абга протягивает смятую пачку сигарет.

Барнук зло отбивает руку с пачкой, и молча уползает с позиции. Абга, устроившись на лежанке, весело посвистывая, выцеливает в ленте беженцев пожилого мужчину. Он говорит : «Ну что, батано. До свиданья. На моего математика похож. Ну, учи теперь на том свете...»

Мужчина падает, как в немом кино. Но это не кино. Люди в ужасе. Лента замирает на мгновенье. Зурик и Кэти, очнувшись от неожиданной моментальной трагедии, начинают заходить на трап морского трамвайчика, мобилизованного для перевозки беженцев. Зураб шепчет белыми губами: «Твари!».

Х

Х

Х

- Давай, приезжай, быстрее, - говорит в трубку мобильного Константин. Это мужчина под пятьдесят, чуть выше среднего роста, лысый, с круглым улыбчивым лицом, - сам знаешь, куда...

- Знаю, - к столику, за которым сидит Константин, подходит Зураб, отвечая ему по телефону.

- Молодец. Оперативно. – Константин наливает ему фужер вина. Зурик выпивает, молча сидит, ждет продолжения, вопросительно глядя на Константина.

- Не гляди. Есть повод. Давай теперь со мной.

Он наливает в оба бокала, они чокаются, пьют.

- Я сегодня заново родился. Эх, надо же такому случиться! Как сказка...

- Хорошая?

- Что?

- Сказка – хорошая?

- Зурик, сказка страшная, но конец замечательный. Давай, племянник, еще по бокалу, и я все расскажу.

- Да. Умеешь, ты, батоно, интриговать.

- Пей. Сейчас такое услышишь, со стула свалишься.

Они выпивают, Константин ставит свой бокал на стол, и сидит молча, уставившись куда-то в стену. Зурик невозмутимо ждет. Такой у него характер, да и у дяди тоже.

- Утром возвращались из командировки, из Ижевска. Нам тамошний один бизнесмен свой самолет дал, «Франкони», небольшой, красивый... И гнилой весь, как оказалось. В общем, высоту набрали, и у него один мотор отказал. А потом второй отказал. А больше моторов у этого долбанного «Франкони», черт бы его побрал, не было!

- Ты шутишь, Костя?!

- Э, брат, какие шутки! До сих пор трясет.

- Так что потом...

- Потом... Зурик, я час назад своему приятелю позвонил, он в ИКАО работает. Ну, это международная организация аэрофлотовская. Рассказал ему, и он говорит – такое раз в сто лет бывает. Бог вам помог, не иначе. В общем, спланировали мы с высоты шести километров, и сели на брюхо на пахоту. У этого гробика и шасси заклинило, представляешь!

Зураб, побледневший, вытирает со лба пот.

- Константин, убил! Ты что такое рассказываешь!

- Да вот. Сам не верю, что живыми остались. Один мой сотрудник успел даже в штаны напрудить... Слушай, а где мясо? Я есть хочу! Как волк! Почему мясо не несут?!

Им тут же приносят мясо. Константин набрасывается на него, Зурик сидит, глядит на дядю. Потом говорит.

- Константин, дорогой, ты даже поседел немного!

- Что? Конечно... *(машинально проводит рукой по лысине.)* А, ты шутки шутишь с дядей. погоди, тоже лысый будешь. Вся порода такая. От этого, как от смерти, никуда не уйдешь.

- Ну ты же ушел.

- От смерти. Но не от лысины *(смеется)*.

Звонит мобильный Константина.

- Да, Наталья Сергеевна. Ну так и разберитесь сами. Меня нет. Я умер.

Он выключает телефон. Зурик говорит.

- Константин. Давай, ты больше не будешь так шутить, а...

- Не могу. Вот поверишь – не могу. Если я сейчас серьезно об этом заговорю, со мной тоже что-то произойдет.

- Ну не описался же...

- Э, ты как с дядей разговариваешь?! Нет, ну сейчас-то ни за что ручаться нельзя...

- Вот теперь вижу, батоно, что ты в порядке.

- А ты почему мясо не ешь?
- Да как-то не лезет...
- Смотрите, какие мы чувствительные!